

Глава 4. «Новые люди» в снах и наяву в романах Н.Г. Чернышевского «Что делать?» и «Пролог».

В истории России есть фигуры, историческая значительность которых проистекает не только от их собственного масштаба, но и от иных факторов. В их числе – репрессивные, несоразмерные и незаслуженные действия властей, равно как и меры идеологического и фальсификаторского характера, которые по отношению к этим фигурам предпринимались позднейшими политиками или теоретиками, перелицовывавшими историю «под себя» и свои действия. Политикам и теоретикам эти фигуры понадобились в качестве «ступеньки» к их собственному «пьедесталу», как «теоретические предшественники», которые, в отличие от них, гениальных, конечно же, «недодумывали», «останавливались перед», «недопонимали»¹. Для некоторых из фигур, наконец, их значительность проистекает из того, что в их исследованиях ими были затронуты некоторые явления, действительно важные для будущего.

К числу таких фигур, по отношению к которым применимо все перечисленное, на мой взгляд, принадлежит Н.Г. Чернышевский². Этот мыслитель, как известно, непомерно превозносился Лениным и последующей советской идеологией как первый русский революционный демократ. То ли случайно, то ли гениально предугадав то, что после

¹ Кроме известных высоких оценок о Чернышевском В.Ленина, сошлюсь и на не менее значимую его характеристику как литературного «гения», данную, в частности, одним из теоретизирующих и практикующих большевиков – А.В. Луначарским. См., например, статью «Н.Г. Чернышевский как писатель» в его сборнике «Статьи о литературе». М., Художественная литература, 1957.

² Учитывая то, что в анализе творчества «Н.Г.Ч.» по большинству позиций я не могу согласиться с точкой зрения глубоко уважаемого мной исследователя В.К. Кантора, но, вместе с тем, отдавая должное его компетентности и несомненным заслугам в неустанном творческом наполнении копилки современного гуманитарного знания, я считаю своим долгом адресовать читателя к одной из его работ на эту тему: статье в журнале «Октябрь», № 2 за 2000 год «Срубленное дерево жизни... Можно ли сегодня размышлять о Чернышевском?». С данным текстом также можно ознакомиться в книге «Русский европеец как явление культуры». М., РОССПЭН, 2001. Что же касается непосредственно моей главы о романах Чернышевского «Что делать?» и «Пролог», то спорить по их поводу указанная статья В.К. Кантора возможности не предоставляет.

революционного переворота (не важно, желаемого Чернышевским или опасавшегося его) новой власти понадобятся и «новые люди», он активно этой идейной конструкцией занялся. По отношению к нему, наконец, также был произведен неправый и беспощадный суд. «В деле Чернышевского, - писал В.С. Соловьев, - не было ни суда, ни ошибки, а было только заведомо неправо и насильственное деяние, с заранее составленным намерением. Было решено изъять человека из среды живых — и решение исполнено. Искали поводов, поводов не нашли, обошлись и без поводов»³.

В итоге, по прошествии ста пятидесяти лет нашим современникам он в равной мере известен и как автор одного из первых «идеологических», по определению М.М. Бахтина, романов со знаменательным подзаголовком «Из рассказов о новых людях»⁴, и как человек, в отношении которого правительство Александра II осуществило юридически необоснованное судебное преследование и наказание, в том числе исполнило акт гражданской казни, а затем на долгие годы сослало в каторгу.

Процедура акта гражданской казни нам хорошо известна благодаря оставленным запискам М.П. Сажина, сподвижника теоретика анархизма М.А. Бакунина, участника Парижской коммуны и I Интернационала. Вот как он описывал увиденное зрелище: «...Посредине площади стоял эшафот — четырехугольный помост высотой аршина 1½ - 2 от земли, выкрашенный черною краскою. На помосте высился черный столб, и на нем, на высоте

³ Соловьев В.С. Из литературных воспоминаний. Н. Г. Чернышевский. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1989. С. 649.

⁴ По поводу этого термина В. Кантор, например, замечает: «Я не буду писать о евангельских парафразах в текстах Чернышевского, замечу только, что так возмущающее многих словосочетание “новые люди” не им придумано, а напрямую заимствовано из Евангелия. Да и в русской литературе имеет устойчивую традицию. Напомню из “Повести временных лет”, как после Крещения князь Владимир назвал крестившихся русичей: “Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: “Христос Бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать тебя истинного Бога, как познали тебя христианские страны”». И далее: «Впоследствии, в “Что делать?”, он о таких людях скажет: “новые люди”, лучшие среди которых — “двигатели двигателей”, “соль соли земли”. Опять же евангельский парафраз: “Вы — соль земли”, — говорит Христос своим ученикам (Мф. 5, 13)». Кантор В. Указ. соч., с. 16.

приблизительно одной сажени, висела железная цепь. На каждом конце цепи находилось кольцо, настолько большое, что через него свободно могла пройти рука человека, одетого в пальто. Середина этой цепи была надета на крюк, вбитый в столб.

...После довольно долгого ожидания появилась карета, ...и вскоре мы увидели, как на эшафот поднялся Н.Г. Чернышевский... Над затихшей площадью послышалось чтение приговора. ...Когда чтение кончилось, палач взял Чернышевского за плечо, подвел к столбу и просунул его руки в кольцо цепи. Так, сложивши руки на груди, Чернышевский простоял у столба около четверти часа». Затем «палач вынул руки Чернышевского из колец цепи, поставил его на середине помоста, быстро и грубо сорвал с него шапку, бросил ее на пол, а Чернышевского принудили встать на колени; затем взял шпагу, переломил ее над головою Н.Г. и обломки бросил в разные стороны. После этого Чернышевский встал на ноги, поднял свою шапку и надел на голову. Палачи подхватили его под руки и свели с эшафота»⁵.

Как разночинный философ, публицист и романист **Николай Гаврилович Чернышевский (1828 – 1889)** явился на арену общественной и литературной жизни России в то время, когда, по оценке В.С. Соловьева, противоречия между «славянофилами» и «западниками» в существенной мере сгладились, но внутри «западников» появилось разделение на «идеалистов-либералов» и «реалистов-радикалов». В какой мере «радикалы» были «реалистами» нам еще предстоит выяснить. Но вот то, что именно к их числу традиционно относят Чернышевского, сомнению не подлежит.

Революционный радикализм Чернышевского⁶ - сына священника, слушателя духовной семинарии и студента историко-филологического факультета Петербургского университета подтверждается его

⁵ Сажин М.П. О гражданской казни Н.Г. Чернышевского. В кн. Чернышевский Н. «Что делать? Критика и комментарии». М.: ООО «Издательство АСТ», 2002, сс. 562 – 563.

⁶ То, что Чернышевский именно в таком качестве был почитаем и широко (в том числе – включением в школьную программу) пропагандируем в советское время свидетельствует и тот факт, что его произведения неоднократно издавались. В том числе, в 1939 – 1953 годах вышло полное собрание его сочинений в шестнадцати томах.

представлениями о том, что Россия может избежать капиталистического пути развития посредством крестьянской революции, которую должны готовить профессиональные революционеры, а также используя неведомую в Европе и традиционную для крестьянства общинную организацию производства и жизни. Влиянию идей Чернышевского даже приписывается возникновение в России революционной организации «Земля и воля»⁷, а его роману заслуга обобщить опыт жизни нового поколения людей – созидателей (не только «нигилистов»!), прославить революцию и революционеров. С этих позиций, в трактовке В.И. Ленина, Чернышевский был «революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя – через препоны и рогатки цензуры – идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»⁸. С этих позиций чудесным образом оказывалось, что и состоявшееся в 1861 году освобождение крестьян было фактом незначительным, не более как «побочным продуктом революционной борьбы»⁹, что пойти на этот шаг Александра II заставило движение крестьянских низов (сколько-нибудь значительных движений таковых в истории не зафиксировано. – С.Н.), равно как и натиск «революционной партии» (не столько реальной, сколько «фигуральной». – С.Н.) со страниц «Современника», «Русского слова», «Колокола»¹⁰.

«Революционность» основного произведения Чернышевского романа «Что делать?» позднейшими исследователями в угоду большевистской идеологии была многократно преувеличена¹¹, о чем явственно свидетельствует уже тот факт, что писался роман во время заключения

⁷ Ст. «Чернышевский Николай Гаврилович» в кн. «Философы России XIX – XX столетий». М.: Книга и бизнес, 1995, с. 647.

⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 20, с. 175.

⁹ Там же, с. 179.

¹⁰ Для понимания широты реального процесса можно вспомнить, что тираж, например, «Колокола» в лучшие времена не превышал трех тысяч экземпляров.

¹¹ Приведу, к примеру, довольно расхожую оценку, относящуюся к советскому времени: «Мировоззрение Чернышевского и Добролюбова было истоком и одновременно вершиной революционно-демократической идеологии в России». В кн.: «Публицисты 1860-х годов». ЖЗЛ. М., «Молодая гвардия», 1981, с. 9.

автора в Петропавловской крепости и передавался для печатания в «Современнике» через посредство жандармов - чинов III отделения. Факт этот говорит о том, что самой властью, при всей ее изоэтренности в отношении революционных движений (вспомним хотя бы историю со второй высылкой Герцена), «подрывной потенциал» романа не фиксировался. Напротив, со стороны властей автору оказывалась явная помощь, поскольку, как они верно полагали, изображенные в произведении так называемые новые люди не могли не вызвать неприятия со стороны сколько-нибудь образованных и нравственных читателей.

По поводу романа молчали и те, кому это произведение, казалось бы, должно было бы приветствовать. Так, из числа тех, кого в России того времени относили к либералам, не было ни одного известного философа или литератора, кто бы сколько-нибудь высоко оценил сочинение Чернышевского. Единственный умеренно-обнадеживающий отзыв об основной идее романа (при жесткой уничижительной оценке его художественности) принадлежит одному из главных оппонентов разработчика идеологии «нового человека» Н.С. Лескову.

Суть его критики сводилась к тому, что, может быть, дело, которое предлагает совершить Н.Г. Чернышевский «во всяком благоустроенном государстве, от Кореи до Лиссабона» и нужно, но вот только в природе «добрых людей», которых вывел в своем произведении автор, «мы даже вовсе не видали»¹². Замечание это было тем более убийственно, что Лескову повидать в России довелось немало.

Большое число литературных откликов на роман имели строго-критический характер. И.С. Тургенев, до выхода романа ценивший Чернышевского за острый ум, в письме Толстому пишет, что теперь от него отрекся и шутя заявляет: «Я готов истреблять таких людей, как

¹² Николай Семенович Лесков. «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?». В кн.: Библиотека русской критики. Критика 60-х годов XIX века». М., «Астрель», 2003, с. 222, 220.

Чернышевский, всеми дозволенными и недозволенными средствами. Во всяком случае книга его есть отвратительная мертвечина»¹³.

Одна из наиболее обстоятельных статей, анализирующих роман Чернышевского, принадлежит поэту А.А. Фету и В.П. Боткину - литературному критику и брату известного врача С.П. Боткина. И поскольку в ней одинаково подробно рассматриваются художественные достоинства, этические и политико-экономические послышки романа, мне представляется важным остановиться именно на этой работе.

Фет и Боткин начинают с обращения к намеренно уничижительному «признанию» Чернышевского в том, что у него «нет ни тени таланта» и что он даже языком владеет плохо. Это, мягко говоря, странное мелочно-разночинное ерничество, предпринимаемое в расчете «задеть» «благородную» публику, имеющую высокую родословную, вскоре уравнивается фантастическим по своей самонадеянности признанием и оценкой автором своего собственного таланта. «Впрочем, моя добрейшая публика, толкуя с тобой, надобно договаривать все до конца; ведь ты хоть и охотница, но не мастерица отгадывать недосказанное. Когда я говорю, что у меня нет ни тени художественного таланта и что моя повесть очень слаба по исполнению, ты не вздумай заключить, будто я объясняю тебе, что я хуже тех твоих повествователей, которых ты считаешь великими, а мой роман хуже их сочинений, - с прославленными сочинениями твоих знаменитых писателей ты смело ставь наряду мой рассказ по достоинству исполнения, ставь даже выше их - не ошибешься! В нем все-таки больше художественности, чем в них; можешь быть спокойна на этот счет»¹⁴.

«Не слишком ли самонадеянна и смешна подобная претензия? Или в самом деле у нас такой избыток талантливых писателей-романистов? Попробуем счесть: Толстой, Тургенев, Писемский, Гончаров, - кто еще?

¹³ Цит. по Луначарский А.В. «Статьи о литературе». М., Художественная литература, 1957, с. 215.

¹⁴ Там же, сс. 225 – 226.

Никого»¹⁵, - отвечают на этот выпад Фет и Боткин. И далее: претензия Чернышевского на величие – не просто «жалкие усилия паука подняться за орлом». Все произведение – предлагаемый неопитам конкретный пример «нахальства и наглости», явленных в качестве «краугольного камня» разночинно-демократической революционной доктрины. «Величающаяся наглость, охорашивающееся бесстыдство – догматы нового учения. Это катехизис, который говорит: «Вы желаете ничем не заслуженного успеха, блистательного торжества громкой галиматии – будьте прежде всего наглы и не забывайте, что самому добродушному слепцу стоит выдать себя за *очковую змею* и самой близорукой бездарности нахально провозгласить себя публично человеком умнейшим, - и успех несомненен. Вспомните, как *тупа публика*»¹⁶.

Впрочем, заявленная Чернышевским в романе высочайшая самооценка – не элемент художественности особого рода. Мы располагаем и другими, не менее серьезными аналогичными свидетельствами. Так, за два месяца до начала работы над романом Чернышевский писал жене из Алексеевского равелина: «Наша с тобой жизнь принадлежит истории; пройдут сотни лет, и наши имена все еще будут милы людям; и будут вспоминать о нас с благодарностью, когда уже забудут почти о всех, кто жил в одно время с нами»¹⁷.

* * *

Если говорить коротко и нелюбезно о концептуальной идее романа Чернышевского, то это, пожалуй, самонадеянная наглость не во всем заурядных людей в своей натужной страсти сделаться необычными. Они живут и поступают так, как будто не было и нет тысячелетней культуры, великих творений гениев и талантов, выстраданных и созданных тяжким трудом. У них все элементарно и просто. Они как будто пришли на голое

¹⁵ Там же, с. 226.

¹⁶ Там же, с. 227.

¹⁷ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 15 томах. М., 1953, т. XIV, с. 456.

место и с помощью кухонного здравого смысла открывают азбучные истины, посредством которых они претендуют на решение вековых вопросов морали, справедливости и добра. Их единственный критерий – немедленная и явная польза. Их единственная доктрина - «разумный эгоизм». Имя их – «новый человек». На самом же деле – это «человек ниоткуда».

По мере анализа романа наше критическое отношение к его героям будет подкрепляться аргументами. Однако еще до того зададимся вопросом: как это явление – не реальность, а фантомная (виртуальная, как сказали бы мы сегодня) манифестация «новых людей» как особого социального типа - стала возможна? Вопрос этот масштабен и рассматривать его мне придется не однажды, поскольку в творчестве многих крупных литераторов второй половины XIX века он был одним из центральных. Однако сейчас обращу внимание прежде всего на следующее.

Так называемые «новые люди» в известном отношении действительно были новы: их родословная не была связана с основными классами России - крестьянством или дворянами. Своим появлением в обществе они были обязаны все усиливающемуся присутствию в общественной жизни страны наряду с деревенскими - городских начал. По мере развития в стране капитализма и связанного с ним роста городов в обществе все больше стало появляться и профессий, прежде довольно редких. Это были профессии, которые представляли разного рода служащие, чиновники, мелкие ремесленники. Дети этих людей, не имея за плечами сколько бы то ни было длительной истории развития собственного социального слоя, с неизбежностью чувствовали себя появившимися как бы на ровном месте, в известном смысле – «людьми из небытия». Единственной возможностью закрепиться в жизни для них было получение образования, дальнейшая служба, преподавание, занятия науками. В отличие от крестьян, они не имели земельного надела, а в отличие от дворян – родового состояния, сколько-нибудь длительной семейной истории и, соответственно, развитого самосознания. Собственное, своего рода интеллектуальное занятие, включая

уроки, переписывание, исполнение курьерских и прочих мелких обязанностей, - первоначально было то единственное, что давало им надежду на устройство в жизни, но не обещало даже самым талантливым сколько-нибудь надежного положения, не говоря уже об общественных высотах. Их положение было своего рода новым крепостным состоянием, закрывавшим для образованной молодежи пути к общественному росту. Естественно, оно было воспринимается как особого рода несправедливость, ограничение, остро переживаемое и нередко требующее действия. Вот почему все «новые люди» в той или иной степени были заражены бациллой Родиона Раскольникова, героя романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Они, наверное, как никакой другой слой тогдашней России, были способны к тому, что именовалось «поступком», «делом» - будь то убийство «твари ничтожной» - старушки-процентщицы или покушения на российского самодержца. С определенной стороны их жизненную позицию в качестве поэтической клятвы «революционера 61-го года» выразил стихом Н.А. Добролюбов:

«Я – ваш, друзья, - хочу быть вашим,
На труд и битву я готов, -
Лишь бы начать в союзе нашем
Живое дело вместо слов».

Настроение определенной, революционно настроенной части «новых людей» передавал и уже упоминавшийся нами революционер-демократ П.Н. Ткачев. Он свидетельствует: «Основной вопрос, который обсуждался тогда в кружках молодых людей, - это вопрос о том, что делать – что делать для того, чтобы освободить страну от подлого экономического и политического деспотизма, который подавлял, уничтожал и разорял ее..., что делать для того, чтобы реализовать в частной и общественной жизни моральные и

социальные идеи, запечатленные в сердцах молодежи? Чернышевский в своем романе подошел ко всем этим вопросам»¹⁸.

Посмотрим же вместе с современниками Чернышевского - Фетом и Боткиным, что представляют идеи «новых людей» в конкретных проявлениях характеров и в поступках главных героев его романа – Веры Павловны, Лопухина, Кирсанова и вовсе «особого человека», «двигателя двигателей» Рахметова.

Лопухов – студент Петербургской медицинской академии, живущий уроками, не бедствующий. Правда, было время, когда он нуждался. «Такое время, - приводит свое наблюдение Чернышевский, - очень благоприятно для кутежа не только со стороны готовности, но и со стороны возможности: пить дешевле, чем есть и одеваться». «...Такому порядочному человеку, как Лопухов, - не проходят мимо этого экономического свидетельства авторы статьи, - нужно было не менее 20 копеек, чтобы напиться сивухой, а если бы он съел 3 ф. (не менее 1 килограмма 300 грамм. – С.Н.) хлеба, то это стоило бы не более 4 $\frac{1}{2}$ коп. Таковы все расчеты автора, проверяемые действительностью»¹⁹, - едко отзываются критики о демонстрируемом автором «знании жизни».

Сходный результат проверки действительностью ожидает любого интересующегося и в отношении главного замысла – идеи романа – устройства швейных мастерских на принципах «справедливости». Установка все делить «поровну между всеми» утопична, поскольку тут же, наряду с прочим, низведет к нулю стоимость сколько-нибудь квалифицированного труда. Платить одинаково закройщице, «разогревательнице утюгов» и организующему все хозяйство менеджеру – экономическая бессмыслица, возможная лишь в горячечной социалистической фантазии или у

¹⁸ Цит. по: Пинаев М.Т. Роман Н.Г.Чернышевского «Что делать?». Комментарий. М.: Просвещение, 1988, с. 55.

¹⁹ В кн.: Чернышевский Н. «Что делать? Критика и комментарии». М.: ООО «Издательство АСТ», 2002, с. 75.

девственного в экономических познаниях писателя, что на деле и демонстрирует Чернышевский.

Еще более серьезные вопросы возникают в отношении исповедуемой «новыми людьми» морали. Следуя логике изложения в романе историй жизни героев, читателя не может не настораживать очевидная идейная близость передового человека Лопухова и отживающего осколка старого времени - матери Веры Павловны, персонажа настолько отрицательного, что даже Верочка ее ненавидит²⁰. Вот как резонерствует по этому поводу автор: «Подобно ей он (Чернышевский сообщает о матери Верочки и Лопухове. – С.Н.) говорил, что все на свете делается для выгоды, что когда плут плутует, *нечего тут приходить в азарт – что тот плут вовсе не напрасно плут, а таким ему и надобно быть по его обстоятельствам, что не быть ему плутом*, не говоря уже о том, что это невозможно, - было бы нелепо, просто сказать, глупо с его стороны»²¹. Да и сама Марья Алексеевна через некоторое время после знакомства с Лопуховым не только полностью одобряет его «методу», но и начинает с почтением относиться к ученому изложению полностью разделяемых и проповедуемых им и ею, как оказывается, общих идей: «Какой умный, основательный, можно сказать, благородный молодой человек! Какие благоразумные правила внушает Верочке! И что значит ученый человек: ведь вот я то же самое стану говорить ей - не слушает, обижается: не могу на нее потрафить, потому что не умею по-ученому говорить. А вот как он по-ученому-то говорит, она и слушает, и

²⁰ Сам по себе факт наличия такого чувства у дочери к матери явно тяготеет к тому, чтобы стать серьезным вопросом морального толка. Впрочем, Чернышевский факт Ненависти дочери к матери подает лишь как один из обычных житейских моментов, не более. «Верочка опять видела прежнюю Марью Алексеевну. Вчера ей казалось, что из-под **зверской оболочки** проглядывают человеческие черты, теперь опять **зверь**, и только. Верочка усиливалась победить в себе **отвращение**, но не могла. Прежде она только **ненавидела** мать, вчера думалось ей, что она перестает ее ненавидеть, будет только жалеть, - теперь опять она чувствовала **ненависть**, но и жалость осталась в ней». Там же, с 44. (Выделено мной. – С.Н. Ну чем не христианские качества в «новом» человеке? Интересно, могла ли Верочка при определенных обстоятельствах разделить обычай некоторых варварских племен, в которых не то что ненавидимых, а просто бесполезных стариков убивают?).

²¹ Там же, с. 105.

видит, что правда, и соглашается. Да, недаром говорится: ученье свет, неученье - тьма. Как бы я-то воспитанная женщина была, разве бы то было, что теперь? Мужа бы в генералы произвела, по провиантской бы части место ему достала или по другой по какой по такой же. Ну, конечно, дела бы за него сама вела с подрядчиками-то: ему где - плох! Дом-то бы не такой строила, как этот. Не одну бы тысячу душ купила. А теперь не могу. Тут надо прежде в генеральском обществе себя зарекомендовать, - а я как зарекомендую? - ни по-французски, ни по-каковски по-ихнему не умею. Скажут: манер не имеет, только на Сенной ругаться годится. Вот и не гожусь. Неученье - тьма. Подлинно: ученье свет, неученье - тьма»²².

«Ученый моралист» Лопухов в своих рассуждениях и намерениях устроить жизнь исключительно на принципах полезности идет столь далеко, куда даже не может помыслить зайти «зверь» Марья Алексеевна. Заметив, что его жена Верочка начала заглядываться на Кирсанова, «новый человек» предлагает ей столь же «новый» выход из положения.

«- Верочка, - начал он через неделю: - мы с тобою живем, исполняя старое поверье, что сапожник всегда без сапог, платье на портном сидит дурно. Мы учим других жить по нашим экономическим принципам, а сами не думаем устроить по ним свою жизнь. Ведь одно большое хозяйство выгоднее нескольких мелких? Я желал бы применить это правило к нашему хозяйству. Если бы мы стали жить с кем-нибудь, мы и те, кто стал бы с нами жить, стали бы сберегать почти половину своих расходов. Я бы мог вовсе бросить эти проклятые уроки, которые противны мне, - было бы довольно одного жалованья от завода, и отдохнул бы, и занялся бы ученою работою, восстановил бы свою карьеру. Надобно только сходитья с такими людьми, с которыми можно ужиться. Как ты думаешь об этом?»

Вера Павловна уж давно смотрела на мужа теми же самыми глазами, подозрительными, разгорающимися от гнева, какими смотрел на него Кирсанов в день теоретического разговора. Когда он кончил, ее лицо пылало.

²² Там же, сс. 102 - 103.

- Я прошу тебя прекратить этот разговор. Он неуместен.

- Почему же, Верочка? Я говорю только о денежных выгодах. Люди небогатые, как мы с тобою, не могут пренебрегать ими. Моя работа тяжела, часть ее отвратительна для меня.

- Со мною нельзя так говорить, - Вера Павловна встала, - я не позволю говорить с собою темными словами. Осмелюсь сказать, что ты хотел сказать!

- Я хотел только сказать, Верочка, что, принимая в соображение наши выгоды, нам было бы хорошо...

- Опять! Молчи! Кто дал тебе право опекуновствовать надо мною? Я возненавижу тебя! - Она быстро ушла в свою комнату и заперлась.

Это была первая и последняя их ссора.

До позднего вечера Вера Павловна просидела запершись. Потом пошла в комнату мужа.

- Мой милый я сказала тебе слишком суровые слова. Но не сердись на них. Ты видишь, я борюсь. Вместо того, чтобы поддержать меня, ты начал помогать тому, против чего я борюсь, надеясь, - да, надеясь устоять.

- Прости меня, мой друг, за то, что я начал так грубо. Но ведь мы помирились? поговорим.

- О да, помирились, мой милый. Только не действуй против меня. Мне и против себя трудно бороться.

- И напрасно, Верочка. Ты дала себе время рассмотреть свое чувство, ты видишь, что оно серьезнее, чем ты хотела думать вначале. Зачем мучить себя?

- Нет, мой милый, я хочу любить тебя и не хочу, не хочу обижать тебя.

- Друг мой, ты хочешь добра мне. Что ж, ты думаешь, мне приятно или нужно, чтобы ты продолжала мучить себя?

- Мой милый, но ведь ты так любишь меня!

- Конечно, Верочка, очень; об этом что говорить. Но ведь мы с тобою понимаем, что такое любовь. Разве не в том она, что радуешься радости,

страдаешь от страдания того, кого любишь? Муча себя, ты будешь мучить меня.

- Так, мой милый: но ведь ты будешь страдать, если я уступлю этому чувству, которое - ах, я не понимаю, зачем оно родилось во мне! я проклинаю его!

- Как оно родилось, зачем оно родилось, - это все равно, этого уже нельзя переменить. Теперь остается только один выбор: или чтобы ты страдала, и я страдал через это; или чтобы ты перестала страдать, и я также.

- Но, мой милый, я не буду страдать, - это пройдет. Ты увидишь, это пройдет.

- Благодарю тебя за твои усилия. Я ценю их, потому что они показывают в тебе волю исполнять то, что тебе кажется нужно. Но знай, Верочка: они нужны кажутся только для тебя, не для меня. Я смотрю со стороны, мне яснее, чем тебе, твое положение. Я знаю, что это будет бесполезно. Борись, пока достает силы. Но обо мне не думай, что ты обидишь меня. Ведь ты знаешь, как я смотрю на это; знаешь, что мое мнение на это и непоколебимо во мне, и справедливо на самом деле - ведь ты все это знаешь. Разве ты обманешь меня? разве ты перестанешь уважать меня? Можно сказать больше: разве твое расположение ко мне, изменивши характер, слабеет? Не напротив ли, - не усилится ли оно оттого, что ты не нашла во мне врага? Не жалею меня: моя судьба нисколько не будет жалка оттого, что ты не лишишься через меня счастья. Но довольно. Об этом тяжело много говорить, а тебе слушать еще тяжелее. Только помни, Верочка, что я теперь говорил. Прости, Верочка. Иди к себе думать, а лучше почивать. Не думай обо мне, а думай о себе. Только думая о себе, ты можешь не делать и мне напрасного горя»²³.

«Заботясь» о самочувствии, любовных чувствах и нравственном спокойствии жены, прагматик (у Чернышевского повсюду в ходу термин «материалист», но речь о прагматизме. – С.Н.) Лопухов под предлогом

²³ Там же, сс. 266 – 268.

большей экономии хозяйства «на троих», чем «на двоих», предлагает Верочке вариант совместной жизни с ним, Лопуховым, и, одновременно, с Кирсановым. И когда получает отказ, попыток не оставляет, но переносит их на Кирсанова, а затем поручает «особенному человеку» Рахметову.

Рахметов же человек и вовсе особенный. «Таких людей, как Рахметов, - сообщает автор, - мало: я встретил до сих пор только восемь образцов этой породы (в том числе двух женщин); они не имели сходства ни в чем, кроме одной черты. Между ними были люди мягкие и люди суровые, люди мрачные и люди веселые, люди хлопотливые и люди флегматические, люди слезливые (один с суровым лицом, насмешливый до наглости; другой с деревянным лицом, молчаливый и равнодушный ко всему; оба они при мне рыдали несколько раз, как истерические женщины, и не от своих дел, а среди разговоров о разной разности; наедине, я уверен, плакали часто), и люди, ни от чего не перестававшие быть спокойными. Сходства не было ни в чем, кроме одной черты, но она одна уже соединяла их в одну породу и отделяла от всех остальных людей. Над теми из них, с которыми я был близок, я смеялся, когда бывал с ними наедине; они сердились или не сердились, но тоже смеялись над собою. И действительно, в них было много забавного, все главное в них и было забавно, все то, почему они были людьми особой породы. Я люблю смеяться над такими людьми».

Это «главное», о чем говорит Чернышевский, в Рахметове было то, что «все, кто его знал, знали его под двумя прозвищами; одно из них уже попадалось в этом рассказе - «ригорист»; его он принимал с обыкновенною своею легкою улыбкою мрачноватого удовольствия. Но когда его называли Никитушкою или Ломовым, или по полному прозвищу Никитушкою Ломовым, он улыбался широко и сладко и имел на то справедливое основание, потому что не получил от природы, а приобрел твердостью воли право носить это славное между миллионами людей имя»²⁴.

²⁴ Там же, сс. 276 – 277.

Славен, по мнению Чернышевского, Рахметов был не только силой, но и тем, что мы сегодня назвали бы моральной неразборчивостью и эгоизмом, которые, если и не вызывают восхищения, но, тем не менее, и не осуждаются автором романа. Чернышевский приводит примеры общения Рахметова с разными людьми. Так, ему было свойственно соблюдать в общении то же правило, как в чтении: «не тратить времени над второстепенными делами и с второстепенными людьми, заниматься только капитальными, от которых уже и без него изменяются второстепенные дела и руководимые люди. Например, вне своего круга, он знакомился только с людьми, имеющими влияние на других. Кто не был авторитетом для нескольких других людей, тот никакими способами не мог даже войти в разговор с ним. Он говорил: "Вы меня извините, мне некогда", и уходил. Но точно так же никакими средствами не мог избежать знакомства с ним тот, с кем он хотел познакомиться. Он просто являлся к вам и говорил, что ему было нужно, с таким предисловием: "Я хочу быть знаком с вами; это нужно. Если вам теперь не время, назначьте другое". На мелкие ваши дела он не обращал никакого внимания, хотя бы вы были ближайшим его знакомым и упрашивали вникнуть в ваше затруднение: "мне некогда", говорил он и отворачивался. Но в важные дела вступался, когда это было нужно по его мнению, хотя бы никто этого не желал: «я должен», говорил он. Какие вещи он говорил и делал в этих случаях, уму непостижимо»²⁵.

Вот в этом же ключе - «непостижимости умом» - Рахметов и исполняет последнюю волю Лопухова в разговоре с Верочкой. В нем он, между прочим, ухитряется договориться до обвинения покойника Лопухова в «эгоизме», поскольку, хотя тот сам, будучи «просвещенным», смотрел на брак как на некую условность, но вот в своей жене этого отношения «выработать» так и не сумел. В результате, она не согласилась на жизнь втроем и Лопухов вынужден был покончить с собой.

²⁵ Там же, с. 285.

Своими проповедями «новые люди» неоднократно спасают – наставляют на путь истинный разных несчастных: от нравственно погибающей в своей семье Веры Павловны – до спасенной Кирсановым от злодея-жениха Катерины Васильевны Полозовой. Все это, однако, некий лирический, хотя и нравоучительный фон, на котором разворачивалось главное событие романа «Что делать?»: устройство новых образчиков хозяйственной жизни – швейных мастерских. Впрочем, это, согласно Чернышевскому-западнику, новое дело только для отсталой России. Как становится ясно после знакомства с еще одним персонажем – «человеком дела», выросшим в России американцем Чарльзом Бьюмонтом, - все это уже есть в Америке. Бьюмонт (вернувшийся под этим именем в Россию Лопухов) – естественно, того же поля ягода, что и прочие герои. Для него также естественно забывать «о лицах, когда заинтересован делом» и это также не мешает ему, когда он оказывается в «своей среде» - среди «новых людей». Упоминание в этом контексте Лондона – намек «Н.Г.Ч.» на Герцена и революционную эмигрантскую деятельность, к которой приобщился Лопухов.

И, наконец, последнее, что требуется для полноты смысловой трактовки романа – это обращение к знаменитым снам Веры Павловны. Их, как известно, четыре. В первом, сопутствующем оставлению Верой Павловной ненавидимого ею родного семейства, а шире – и всей подлежащей изменению российской жизни, «снится ей, что она заперта в сыром, темном подвале. И вдруг дверь растворилась, и Верочка очутилась в поле, бегают, резвится и думает: "как же это я могла не умереть в подвале?" - "это потому, что я не видала поля; если бы я видала его, я бы умерла в подвале", - и опять бегают, резвится. Снится ей, что она разбита параличом, и она думает: "как же это я разбита параличом? Это бывают разбиты старики, старухи, а молодые девушки не бывают". - "Бывают, часто бывают, - говорит чей-то незнакомый голос, - а ты теперь будешь здорова, вот только я коснусь твоей руки, - видишь, ты уж и здорова, вставай же". - Кто ж это говорит? - А как стало легко! - вся болезнь прошла, - и Верочка встала, идет, бежит, и опять

на поле, и опять резвится, бегают, и опять думает: "как же это я могла переносить паралич?" - "это потому, что я родилась в параличе, не знала, как ходят и бегают; а если б знала, не перенесла бы", - и бегают, резвится. А вот идет по полю девушка, - как странно! - и лицо, и походка, все меняется, беспрестанно меняется в ней; вот она англичанка, француженка, вот она уж немка, полячка, вот стала и русская, опять англичанка, опять немка, опять русская, - как же это у ней все одно лицо? Ведь англичанка не похожа на француженку, немка на русскую, а у ней и меняется лицо, и все одно лицо, - какая странная! И выражение лица беспрестанно меняется: какая кроткая! какая сердитая! вот печальная, вот веселая, - все меняется! а все добрая, - как же это, и когда сердитая, все добрая? но только, какая же она красавица! как ни меняется лицо, с каждою переменою все лучше, все лучше. Подходит к Верочке. - "Ты кто?" - "Он прежде звал меня: Вера Павловна, а теперь зовет: мой друг". - "А, так это ты, та Верочка, которая меня полюбила?" - "Да, я вас очень люблю. Только кто же вы?" - "Я невеста твоего жениха". - "Какого жениха?" - "Я не знаю. Я не знаю своих женихов. Они меня знают, а мне нельзя их знать: у меня их много. Ты кого-нибудь из них выбери себе в женихи, только из них, из моих женихов". - "Я выбрала..." - "Имени мне не нужно, я их не знаю. Но только выбирай из них, из моих женихов. Я хочу, чтоб мои сестры и женихи выбирали только друг друга. Ты была заперта в подвале? Была разбита параличом?" - "Была". - "Теперь избавилась?" - "Да". - "Это я тебя выпустила, я тебя вылечила. Помни же, что еще много невыпущенных, много невылеченных. Выпускай, лечи. Будешь?" - "Буду. Только как же вас зовут? мне так хочется знать". - "У меня много имен. У меня разные имена. Кому как надобно меня звать, такое имя я ему и сказываю. Ты меня зови любовью к людям. Это и есть мое настоящее имя. Меня немногие так зовут. А ты зови так". - И Верочка идет по городу: вот подвал, - в подвале заперты девушки. Верочка притронулась к замку, - замок слетел: "идите" - они выходят. Вот комната, - в комнате лежат девушки, разбиты параличом: "вставайте" - они встают, идут, и все они опять на поле,

бегают, резвятся, - ах, как весело! с ними вместе гораздо веселее, чем одной! Ах, как весело!»²⁶

В соответствии с трактовкой этого образа в советские времена, Вере Павловне встретилась мировая революция, которая одна лишь и способна освободить людей от прежней ненавистной жизни. Впрочем, революционным демократам уже тогда было понятно, что нечто внешнее не может просто изменить самого человека, превратить его из человека «старого» в человека «нового». И рецепт настоящего «внутреннего» изменения человека предлагается в остальных снах. «Темный подвал» и «паралич» во сне – положение закрепощенного народа, а выход в поля – отмена крепостного права.

Во втором сне Вера Павловна видит «поле, и по полю ходят муж, то есть миленький, и Алексей Петрович, и миленький говорит:

- Вы интересуетесь знать, Алексей Петрович, почему из одной грязи родится пшеница такая белая, чистая и нежная, а из другой грязи не родится? Эту разницу вы сами сейчас увидите. Посмотрите корень этого прекрасного колоса: около корня грязь, но эта грязь свежая, можно сказать, чистая грязь; слышите запах сырой, неприятный, но не затхлый, не скиснувшийся. Вы знаете, что на языке философии, которой мы с вами держимся, эта чистая грязь называется реальная грязь. Она грязна, это правда; но всмотритесь в нее хорошенько, вы увидите, что все элементы, из которых она состоит, сами по себе здоровы. Они составляют грязь в этом соединении, но пусть немного переменится расположение атомов, и выйдет что-нибудь другое: и все другое, что выйдет, будет также здоровое, потому что основные элементы здоровы. Откуда же здоровое свойство этой грязи? обратите внимание на положение этой поляны: вы видите, что вода здесь имеет сток, и потому здесь не может быть гнилости.

- Да, движение есть реальность, - говорит Алексей Петрович, - потому что движение - это жизнь, а реальность и жизнь одно и то же. Но жизнь

²⁶ Там же, сс. 115 – 117.

имеет главным своим элементом труд, а потому главный элемент реальности - труд, и самый верный признак реальности - дельность.

- Так видите, Алексей Петрович, когда солнце станет согревать эту грязь и теплота станет перемещать ее элементы в более сложные химические сочетания, то есть в сочетания высших форм, колос, который вырастает из этой грязи от солнечного света, будет здоровый колос.

- Да, потому что это грязь реальной жизни, - говорит Алексей Петрович.

- Теперь перейдем на эту поляну. Берем и здесь растение, также рассматриваем его корень. Он также загрязнен. Обратите внимание на характер этой грязи. Нетрудно заметить, что это грязь гнилая.

- То есть, фантастическая грязь, по научной терминологии, - говорит Алексей Петрович.

- Так; элементы этой грязи находятся в нездоровом состоянии. Натурально, что, как бы они ни перемещались и какие бы другие вещи, не похожие на грязь, ни выходили из этих элементов, все эти вещи будут нездоровые, дрянные.

- Да, потому что самые элементы нездоровы, - говорит Алексей Петрович.

- Нам нетрудно будет открыть причину этого нездоровья...

- То есть, этой фантастической гнилости, - говорит Алексей Петрович.

- Да, гнилости этих элементов, если мы обратим внимание на положение этой поляны. Вы видите, вода не имеет стока из нее, потому застаивается, гниет.

- Да, отсутствие движения есть отсутствие труда, - говорит Алексей Петрович, - потому что труд представляется в антропологическом анализе коренною формою движения, дающего основание и содержание всем другим формам: развлечению, отдыху, забаве, веселью; они без предшествующего труда не имеют реальности. А без движения нет жизни, то есть реальности, потому это грязь фантастическая, то есть гнилая. До недавнего времени не знали, как возвращать здоровье таким полянам; но теперь открыто

средство; это - дренаж: лишняя вода сбегает по канавам, остается воды сколько нужно, и она движется, и поляна получает реальность. Но пока это средство не применено, эта грязь остается фантастической, то есть гнилою, а на ней не может быть хорошей растительности; между тем как очень натурально, что на грязи реальной являются хорошие растения, так как она грязь здоровая. Что и требовалось доказать: Queadum, как говорится по латыни»²⁷.

В этом сне «Н.Г.Ч.» поет осанну труду. При этом на примере новейшего исследования химика Юстаса Либиха «Химия в приложении к земледелию и физиологии» рассказывается о пользе тепла, воздуха и умеренной влажности для произрастания растения и роли химических элементов для повышения плодородия почвы. За образами «дренажа» - быстрого механического устранения с поля излишков влаги и химической подкормкой растений стоят все те же «революция» и «реформа». При этом революционный эффект «теперь открытого средства» превозносится, а недеяние объявляется признаком гниения. «Дренаж, а не химическое улучшение земли привлечен Чернышевским для опасной политической аллегории!», - восхищенно восклицал не так давно советский комментатор²⁸.

Наряду с этими «захватывающими» мыслями во втором сне излагается и прагматический замысел «новых людей» относительно того, как злые люди могут против своей воли оказаться полезными для доброго – революционного дела. При этом, за образами «злых вредных» людей стояли феодалы-помещики, а образы «злых-полезных» обозначали исторически более прогрессивную буржуазию.

Излагает третий сон, естественно, «сестра сестер» - сама революция:

«- Я не люблю твою мать, - говорит она Верочке, - но она мне нужна.

- Разве без нее нельзя вам?

- После будет можно, когда не нужно будет людям быть злыми. А теперь

²⁷ Там же, сс. 171 – 173.

²⁸ Пинаев М.Т. Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Комментарий. М., Просвещение, 1988, с. 104.

нельзя. Видишь, добрые не могут сами стать на ноги, злые сильны, злые хитры. Но видишь, Верочка, злые бывают разные: одним нужно, чтобы на свете становилось хуже, другим, тоже злым, чтобы становилось лучше: так нужно для их пользы. Видишь, твоей матери было нужно, чтобы ты была образованная: ведь она брала у тебя деньги, которые ты получала за уроки; ведь она хотела, чтоб ее дочь поймала богатого зятя ей, а для этого ей было нужно, чтобы ты была образованная. Видишь, у нее были дурные мысли, но из них выходила польза человеку: ведь тебе вышла польза? А у других злых не так. Если бы твоя мать была Анна Петровна, разве ты училась бы так, чтобы ты стала образованная, узнала добро, полюбила его? Нет, тебя бы не допустили узнать что-нибудь хорошее, тебя бы сделали куклой, - так? Такой матери нужна дочь-кукла, потому что она сама кукла, и все играет с куклами в куклы. А твоя мать человек дурной, но все-таки человек, ей было нужно, чтобы ты не была куклой. Видишь, как злые бывают разные? Одни мешают мне: ведь я хочу, чтобы люди стали людьми, а они хотят, чтобы люди были куклами. А другие злые помогают мне, - они не хотят помогать мне, но дают простор людям становиться людьми, они собирают средства людям становиться людьми. А мне только этого и нужно. Да, Верочка, теперь мне нельзя без таких злых, которые были бы против других злых. Мои злые - злы, но под их злою рукою растет добро. Да, Верочка, будь признательна к своей матери. Не люби ее, она злая, но ты ей всем обязана, знай это: без нее не было бы тебя.

- И всегда так будет? Нет, так не будет?

- Да, Верочка, после так не будет. Когда добрые будут сильны, мне не нужны будут злые, Это скоро будет, Верочка. Тогда злые увидят, что им нельзя быть злыми; и те злые, которые были людьми, станут добрыми: ведь они были злыми только потому, что им вредно было быть добрыми, а ведь

они знают, что добро лучше зла, они любят его, когда можно будет любить его без вреда»²⁹.

Этот сон, посвященный личным взаимоотношениям Верочки с мужчинами сильно восхищал, в частности, верного сподвижника Ленина А.В. Луначарского: «Это настоящий анализ того, как в человеке просыпается чувство, которое он не хочет осознавать, которое он с ужасом в действительности отталкивает»³⁰

Третий сон выбивается из общего ряда сновидений, поскольку в нем Чернышевским разбирается вопрос, кого больше любит (должна любить) Вера Павловна: своего нового или своего прежнего мужа. Эта попытка экскурса в психологию – еще менее удачна с содержательной и художественной точки зрения, чем все остальное, имеющее по крайней мере то оправдание, что представляют собой усилие по созданию революционно-демократической утопии.

Зато в заключительном, четвертом сне, проективная революционно-демократическая патетика в образе «социалистического общества», как комментировали этот сон в советское время, обретает полную силу. «Золотистым отливом сияет нива; покрыто цветами поле, развертываются сотни, тысячи цветов на кустарнике, опоясывающем поле, зеленеет и шепчет подымающийся за кустарником лес, и он весь пестреет цветами; аромат несется с нивы, с луга, из кустарника, от наполняющих лес цветов; порхают по веткам птицы, и тысячи голосов несутся от ветвей вместе с ароматом; и за нивою, за лугом, за кустарником, лесом опять виднеются такие же сияющие золотом нивы, покрытые цветами луга, покрытые цветами кустарники до дальних гор, покрытых лесом, озаренным солнцем, и над их вершинами там и здесь, там и здесь, светлые, серебристые,

²⁹ Чернышевский Н. «Что делать? Критика и комментарии». М.: ООО «Издательство АСТ», 2002, сс. 177 – 179.

³⁰ Цит. по: Пинаев М.Т., с. 132.

золотистые, пурпуровые, прозрачные облака своими переливами слегка оттеняют по горизонту яркую лазурь»³¹

«Город. Вдали на севере и востоке горы: вдали на востоке и юге, подле на западе, море. Дивный город. Не велики в нем дома, и не роскошны снаружи. Но сколько в нем чудных храмов! Особенно на холме, куда ведет лестница с воротами удивительного величия и красоты: весь холм занят храмами и общественными зданиями, из которых каждого одного было бы довольно ныне, чтобы увеличить красоту и славу великолепнейшей из столиц. Тысячи статуй в этих храмах и повсюду в городе, - статуи, из которых одной было бы довольно, чтобы сделать музей, где стояла бы она, первым музеем целого мира. И как прекрасен народ, толпящийся на площадях, на улицах: каждый из этих юношей, каждая из этих молодых женщин и девушек могли бы служить моделью для статуи. Деятельный, живой, веселый народ, народ, вся жизнь которого светла и изящна. Эти дома, не роскошные снаружи, - какое богатство изящества и высокого умения наслаждаться показывают они внутри: на каждую вещь из мебели и посуды можно залюбоваться. И все эти люди, такие прекрасные, так умеющие понимать красоту, живут для любви, для служения красоте. Вот изгнанник возвращается в город, свергнувший его власть: он возвращается затем, чтобы повелевать, - все это знают. Что ж ни одна рука не поднимается против него? На колеснице с ним едет, показывая его народу, прося народ принять его, говоря народу, что она покровительствует ему, женщина чудной красоты даже среди этих красавиц, - и преклоняясь перед ее красотой, народ отдает власть над собою Пизистрату, ее любимцу. Вот суд; судьи - угрюмые старики, народ может увлекаться, они не знают увлечения»³².

«Здание, громадное, громадное здание, каких теперь лишь по несколько в самых больших столицах, - или нет, теперь ни одного такого! Оно стоит

³¹ Чернышевский Н. «Что делать? Критика и комментарии». М.: ООО «Издательство АСТ», 2002, с. 374.

³² Там же, сс. 376 – 377.

среди нив и лугов, садов и рощ. Нивы - это наши хлеба, только не такие, как у нас, а густые, густые, изобильные, изобильные. Неужели это пшеница? Кто ж видел такие колосья? Кто ж видел такие зерна? Только в оранжерее можно бы теперь вырастить такие колосья с такими зернами. Поля, это наши поля; но такие цветы теперь только в цветниках у нас. Сады, лимонные и апельсиновые деревья, персики и абрикосы, - как же они растут на открытом воздухе? О, да это колонны вокруг них, это они открыты на лето; да, это оранжереи, раскрывающиеся на лето. Рощи - это наши рощи: дуб и липа, клен и вяз, - да, рощи те же, как теперь; за ними очень заботливый уход, нет в них ни одного больного дерева, но рощи те же, - только они и остались те же, как теперь. Но это здание, - что ж это, какой оно архитектуры? Теперь нет такой; нет, уж есть один намек на нее, - дворец, который стоит на Сайденгамском холме: чугун и стекло, чугун и стекло - только. Нет, не только: это лишь оболочка здания, это его наружные стены; а там, внутри, уж настоящий дом, громаднейший дом: он покрыт этим чугунно-хрустальным зданием, как футляром; оно образует вокруг него широкие галереи по всем этажам. Какая легкая архитектура этого внутреннего дома, какие маленькие простенки между окнами, - а окна огромные, широкие, во всю вышину этажей! Его каменные стены - будто ряд пилястров, составляющих раму для окон, которые выходят на галерею. Но какие это полы и потолки? Из чего эти двери и рамы окон? Что это такое? серебро? платина? Да и мебель почти вся такая же, - мебель из дерева тут лишь каприз, она только для разнообразия, но из чего ж вся остальная мебель, потолки и полы? "Попробуй подвинуть это кресло", - говорит старшая царица. Эта металлическая мебель легче нашей ореховой. Но что ж это за металл? Ах, знаю теперь, Саша показывал мне такую дощечку, она была легка, как стекло, и теперь уж есть такие серьги, брошки, да, Саша говорил, что, рано или поздно, алюминий заменит собою дерево, может быть, и камень. Но как же все это богато! Везде алюминий и алюминий, и все промежутки окон одеты огромными зеркалами. И какие ковры на полу! Вот

в этом зале половина пола открыта, тут и видно, что он из алюминия. "Ты видишь, тут он матовый, чтобы не был слишком скользко, - тут играют дети, а вместе с ними и большие; вот и в этом зале пол тоже без ковров, - для танцев". И повсюду южные деревья и цветы; весь дом - громадный зимний сад.

Но кто же живет в этом доме, который великолепнее дворцов? "Здесь живет много, очень много; иди, мы увидим их". Они идут на балкон, выступающий из верхнего этажа галереи. Как же Вера Павловна не заметила прежде? "По этим нивам рассеяны группы людей; везде мужчины и женщины, старики, молодые и дети вместе. Но больше молодых; стариков мало, старух еще меньше, детей больше, чем стариков, но все-таки не очень много. Больше половицы детей осталось дома заниматься хозяйством: они делают почти все по хозяйству, они очень любят это; с ними несколько старух. А стариков и старух очень мало потому, что здесь очень поздно становятся ими, здесь здоровая и спокойная жизнь; она сохраняет свежесть". Группы, работающие на нивах, почти все поют; но какой работой они заняты? Ах, это они убирают хлеб. Как быстро идет у них работа! Но еще бы не идти ей быстро, и еще бы не петь им! Почти все делают за них машины, - и жнут, и вяжут снопы, и отвозят их, - люди почти только ходят, ездят, управляют машинами. И как они удобно устроили себе; день зноен, но им, конечно, ничего: над тою частью нивы, где они работают, раскинут огромный полог: как подвигается работа, подвигается и он, - как они устроили себе прохладу!»³³

«Цветы завяли; листья начинают падать с деревьев; картина становится уныла. "Видишь, на это скучно было бы смотреть, тут было бы скучно жить, - говорит младшая сестра, - я так не хочу". - "Залы пусты, на полях и в садах тоже нет никого, - говорит старшая сестра, - я это устроила по воле своей сестры царицы". - "Неужели дворец в самом деле опустел?" - "Да, ведь здесь

³³ Там же, сс. 384 – 386.

холодно и сыро, зачем же быть здесь? Здесь из 2 000 человек осталось теперь десять - двадцать человек оригиналов, которым на этот раз показалось приятным разнообразием остаться здесь, в глуши, в уединении, посмотреть на северную осень. Через несколько времени, зимою, здесь будут беспрестанные смены, будут приезжать маленькими партиями любители зимних прогулок, провести здесь несколько дней по-зимнему".

- Но где ж они теперь? - "Да везде, где тепло и хорошо, - говорит старшая сестра: - на лето, когда здесь много работы и хорошо, приезжает сюда множество всяких гостей с юга; мы были в доме, где вся компания из одних вас; но множество домов построено для гостей, в других и разноплеменные гости и хозяева поселяются вместе, кому как нравится, такую компанию и выбирает. Но принимая летом множество гостей, помощников в работе, вы сами на 7-8 плохих месяцев вашего года уезжаете на юг, - кому куда приятнее. Но есть у вас на юге и особая сторона, куда уезжает главная масса ваша. Эта сторона так и называется Новая Россия". - "Это где Одесса и Херсон?" - "Это в твое время, а теперь, смотри, вот где Новая Россия".

Горы, одетые садами; между гор узкие долины, широкие равнины. "Эти горы были прежде голые скалы, - говорит старшая сестра. - Теперь они покрыты толстым слоем земли, и на них среди садов растут рожи самых высоких деревьев: внизу во влажных ложбинах плантации кофейного дерева; выше финиковые пальмы, смоковницы; виноградники перемешаны с плантациями сахарного тростника; на нивах есть и пшеница, но больше рис". - "Что ж это за земля?" - "Поднимемся на минуту повыше, ты увидишь ее границы". На далеком северо-востоке две реки, которые сливаются вместе прямо на востоке от того места, с которого смотрит Вера Павловна; дальше к югу, все в том же юго-восточном направлении, длинный и широкий залив; на юге далеко идет земля, расширяясь все больше к югу между этим заливом и длинным узким заливом, составляющим ее западную границу. Между западным узким заливом и морем, которое очень

далеко на северо-западе, узкий перешеек. "Но мы в центре пустыни?" - говорит изумленная Вера Павловна. "Да, в центре бывшей пустыни; а теперь, как видишь, все пространство с севера, от той большой реки на северо-востоке, уже обращено в благодатнейшую землю, в землю такую же, какую была когда-то и опять стала теперь та полоса по морю на север от нее, про которую говорилось в старину, что она "кипит молоком и медом". Мы не очень далеко, ты видишь, от южной границы возделанного пространства, горная часть полуострова еще остается песчаной, бесплодную степью, какую был в твое время весь полуостров; с каждым годом люди, вы русские, все дальше отодвигаете границу пустыни на юг. Другие работают в других странах: всем и много места, и довольно работы, и просторно, и обильно. Да, от большой северо-восточной реки все пространство на юг до половины полуострова зеленеет и цветет, по всему пространству стоят, как на севере, громадные здания в трех, в четырех верстах друг от друга, будто бесчисленные громадные шахматы на исполинской шахматнице. "Спустимся к одному из них", - говорит старшая сестра.

Такой же хрустальный громадный дом, но колонны его белые. "Они потому из алюминия, - говорит старшая сестра, - что здесь ведь очень тепло, белое меньше разгорячается на солнце, что несколько дороже чугуна, но по здешнему удобнее". Но вот что они еще придумали: на дальнейшее расстояние кругом хрустального дворца идут ряды тонких, чрезвычайно высоких столбов, и на них, высоко над дворцом, над всем дворцом и на, полверсты вокруг него растянута белая полог. "Он постоянно обрызгивается водою, - говорит старшая сестра: - видишь, из каждой колонны подымается выше полога маленький фонтан, разлетающийся дождем вокруг, поэтому жить здесь прохладно; ты видишь, они изменяют температуру, как хотят". - "А кому нравится зной и яркое здешнее солнце?" - "Ты видишь, вдали есть павильоны и шатры. Каждый может жить, как ему угодно; я к тому веду, я все для этого только и работаю". - "Значит,

остались и города для тех, кому нравится в городах?" - "Не очень много таких людей; городов осталось меньше прежнего, - почти только для того, чтобы быть центрами сношений и перевозки товаров, у лучших гаваней, в других центрах сообщений, но эти города больше и великолепнее прежних; все туда ездят на несколько дней для разнообразия; большая часть их жителей беспрестанно сменяется, бывает там для труда, на недолгое время". - "Но кто хочет постоянно жить в них?" - "Живут, как вы живете в своих Петербургах, Парижах, Лондонах, - кому ж какое дело? кто станет мешать? Каждый живи, как хочешь; только огромное большинство, 99 человек из 100, живут так, как мы с сестрою показываем тебе, потому что это им приятнее и выгоднее. Но иди же во дворец, уж довольно поздний вечер, пора смотреть на них»³⁴

«Они входят в дом. Опять такой же громаднейший, великолепный зал. Вечер в полном своем просторе и веселье, прошло уж три часа после заката солнца: самая пора веселья. Как ярко освещен зал, чем же? - нигде не видно ни канделябров, ни люстр; ах, вот что! - в куполе зала большая площадка из матового стекла, через нее льется свет, - конечно, такой он и должен быть: совершенно, как солнечный, белый, яркий и мягкий, - ну, да, это электрическое освещение. В зале около тысячи человек народа, но в ней могло бы свободно быть втрое больше. "И бывает, когда приезжают гости, - говорит светлая красавица, - бывает и больше". - "Так что ж это? разве не бал? Это разве простой будничным вечер?" - "Конечно". - "А понынешнему, это был бы придворный бал, как роскошна одежда женщин, да, другие времена, это видно и по покрою платья. Есть несколько дам и в нашем платье, но видно, что они оделись так для разнообразия, для шутки; да, они дурачатся, шутят над своим костюмом; на других другие, самые разнообразные костюмы разных восточных и южных покровов, все они грациознее нашего; но преобладает костюм, похожий на тот, какой носили гречанки в изящнейшее время Афин - очень легкий и свободный, и на

³⁴ Там же, сс. 387 – 390.

мужчинах тоже широкое, длинное платье без талии, что-то вроде мантий, иматиев; видно, что это обыкновенный домашний костюм их, как это платье скромно и прекрасно! Как мягко и изящно обрисовывает оно формы, как возвышает оно грациозность движений! И какой оркестр, более ста артистов и артисток, но особенно, какой хор!" - "Да, у вас в целой Европе не было десяти таких голосов, каких ты в одном этом зале найдешь целую сотню, и в каждом другом столько же: образ жизни не тот, очень здоровый и вместе изящный, потому и грудь лучше, и голос лучше", - говорит светлая царица. Но люди в оркестре и в хоре беспрестанно меняются: одни уходят, другие становятся на их место, - они уходят танцевать, они приходят из танцующих.

У них вечер, будничный, обыкновенный вечер, они каждый вечер так веселятся и танцуют; но когда же я видела такую энергию веселья? но как и не иметь их веселью энергии, неизвестной нам? - Они поутру наработались. Кто не наработался вдоволь, тот не приготовил нерв, чтобы чувствовать полноту веселья. И теперь веселье простых людей, когда им удается веселиться, более радостно, живо и свежо, чем наше; но у наших простых людей скудны средства для веселья, а здесь средства богаче, нежели у нас; и веселье наших простых людей смущается воспоминанием неудобств и лишений, бед и страданий, смущается предчувствием того же впереди, - это мимолетный час забытья нужды и горя - а разве нужда и горе могут быть забыты вполне? разве песок пустыни не заносит? разве миазмы болота не заражают и небольшого клочка хорошей земли с хорошим воздухом, лежащего между пустынею и болотом? А здесь нет ни воспоминаний, ни опасений нужды или горя; здесь только воспоминания вольного труда в охоту, довольства, добра и наслаждения, здесь и ожидания только все того же впереди. Какое же сравнение! И опять: у наших рабочих людей нервы только крепки, потому способны выдерживать много веселья, но они у них грубы, не восприимчивы. А здесь: нервы и крепки, как у наших рабочих людей, и развиты, впечатлительны, как у нас; приготовленность к веселью,

здоровая, сильная жажда его, какой нет у нас, какая дается только могучим здоровьем и физическим трудом, в этих людях соединяется со всею тонкостью ощущений, какая есть в нас; они имеют все наше нравственное развитие вместе с физическим развитием крепких наших рабочих людей: понятно, что их веселье, что их наслаждение, их страсть - все живее и сильнее, шире и сладостнее, чем у нас. Счастливые люди!»³⁵

Столь длинное цитирование потребовалось мне для того, чтобы читатель вспомнил и вновь ощутил все достоинства теоретического багажа «новых людей» как альтернативы людям в России существующим, тем более, что и в дальнейшем это главное содержание темы настоящего тома исследования будет востребовано в связи с другими авторами и произведениями.

* * *

Большевики во главе с Лениным, совершившие вооруженный переворот в России в октябре 1917 года, нуждались в переписывании истории для обоснования необходимости и даже неизбежности своих действий. И Чернышевский, равно как и «перелицованный» под революционного демократа Герцен³⁶, в этом качестве им были необходимы. Не случайно Ленин в своей книге, названной так же, как и роман Чернышевского, писал: «...роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский...»³⁷

Еще более откровеннее на этот счет высказывался Сталин: «Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала еще Россия

³⁵ Там же, сс. 391 – 392.

³⁶ В связи с этим я хотел бы сослаться на свою статью «А.И. Герцен: дворянский революционер, но не революционный демократ». Вопросы философии, 2010, № 12, сс.

³⁷ Ленин В.И. Соч., т. 5, стр. 342. Цит. По: Баскаков В.Г. Мироззрение Чернышевского. М., изд-во Академии наук СССР, 1956, с. 3.

революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых»³⁸.

Мнение о рассматриваемом романе «Что делать?» было бы неполным без того, чтобы не привести оценки тех современников, которые хотя и не разделяли взглядов революционного демократа Чернышевского, но все же стояли рядом с ним по одну сторону баррикад. В этой связи интересна точка зрения Герцена, занимавшего, вопреки ленинской перелицовке истории, умеренно-либеральные позиции и выступавшего против революционных идей за реформационные преобразования. Отмечу, что поскольку в романе «Н.Г.Ч.» нет прямых призывов к революционному насилию, то и повода для прямой конфронтации у Герцена нет. В этой связи он ценит роман как взгляд на возможную проекцию развития страны, и в этой связи – на «новых людей». Вот его мнение, высказанное в письме к Огареву.

«Когда ты начнешь роман Чернышевского? Это очень замечательная вещь – в нем бездна отгадок и хорошей и дурной стороны ультранигилистов. Их жаргон, их аляповатость, грубость, презрение форм, натянутость, комедия простоты – много хорошего, здорового, воспитательного... Но, боже мой, что за слог, что за проза в поэзии (сны Веры Павловны), что за представитель семинарии и Васильевского острова!»³⁹. И далее: «Господи, как гнусно написано, сколько кривлянья... что за слог!.. Мысли есть прекрасные, даже положения – и все полито из семинарски-петербургски-мещанского урыльника...»⁴⁰.

Итак, с одной стороны – «хорошее, здоровое, воспитательное», а, с другой, - все это все-таки только мысли «ультранигилистов», то есть не тех, кто способен к созиданию и для кого переделка (реформирование) существующего является только начальной стадией процесса преобразования.

³⁸ Там же, с. 8.

³⁹ Цит. по: Пирумова Н.М. Александр Герцен. Революционер, мыслитель, человек. М., «Мысль», 1989, с. 196.

⁴⁰ Там же, с. 195.

Несколько позднее, в восьмидесятые годы в связи с повестью Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» и рассказом «Крокодил», написанных в известном смысле как критический ответ на роман «Что делать?» и на появление в общественной жизни отдельных типажей такого же рода, внимание к этому произведению Чернышевского было возбуждено вновь. Однако и критические доводы против его идей стали более серьезны. Так, одно из самых глубоких возражений принадлежит В.С. Соловьеву, высказанному в «Третьей речи» в память Достоевского (февраль 1883 года). Приведу его подробно.

По мнению философа, наступивший после отмены крепостного права исторический период развития российского общества характеризуется тем, что получившая еще при крещении залог высшей духовной веры Россия теперь ищет для себя «свободного нравственного определения». В эту пору нравственного брожения для нее все неумолимее встает вопрос: для чего жить и что делать? Однако «спрашивать прямо: что делать? – значит предполагать, что есть какое-то *готовое* дело, к которому нужно только приложить руки, значит – пропускать другой вопрос: готовы ли сами делатели?» Этим перенесением акцента Соловьев сразу же обезоруживает казавшуюся твердокаменной аргументацию сторонников революционного насилия. Дело, по Соловьеву, не в том, что загодя есть какое-то истинное содержание, истинная концептуальная модель, «единственно верная теория» (как любили повторять марксисты), существующая независимо от людей и задача лишь в том, чтобы в соответствии с этой теорией изменить действительность, в которой сами собой окажутся и каким-то счастливым и неизвестным образом измененные люди. «Теория» не падает с неба, а люди не меняются по команде и мгновенно.

«...Во всяком человеческом деле, большом и малом, физическом и духовном, одинаково важны оба вопроса: *что* делать и *кто* делает? ...Предмет дела и качества делателя неразрывно связаны между собою во всяком деле: а там, где эти две стороны разделяются, там настоящего дела и

не выходит. Тогда прежде всего искомое дело раздвояется. С одной стороны - выступает образ идеального строя жизни, устанавливается некоторый определенный «общественный идеал». Но этот идеал принимается независимо ни от какой внутренней работы самого человека: он состоит только в некотором, заранее определенном и извне принудительном экономическом и социальном строе жизни; поэтому все, что может человек сделать для достижения этого *внешнего* идеала, сводится к устранению внешних же *препятствий* к нему. Таким образом, сам идеал является исключительно только в будущем, а в настоящем человек имеет дело только с тем, что противоречит этому идеалу, и вся его деятельность от несуществующего идеала обращается всецело на разрушение существующего, а так как это последнее держится людьми и обществом, то все это дело обращается в насилие над людьми и целым обществом. Незаметным образом общественный идеал подменяется противообщественною деятельностью. На вопрос: что делать? – получается ясный и определенный ответ: убивать всех противников будущего идеального строя, т.е. всех защитников настоящего». Забегая несколько вперед нельзя не отметить: в полной мере и детально обрисована российская ситуация Октябрьского переворота и первых лет Советской власти.

«При таком решении дела, - продолжает Соловьев, - вопрос: готовы ли делатели? – действительно является излишним. Для *такого* служения общественному идеалу человеческая природа в теперешнем своем состоянии и с самых худших своих сторон является вполне готовой и пригодной. В достижении общественного идеала путем разрушения все дурные страсти, все злые и безумные стихии человечества найдут себе место и назначение; такой общественный идеал стоит всецело на почве господствующего в мире зла. Он не представляет своим служителям никаких нравственных условий,

ему нужны не духовные силы, а физическое насилие, он требует от человечества не внутреннего *обращения*, а внешнего *переворота*»⁴¹.

Провидчески обрисованная В.С. Соловьевым ситуация общественного преобразования однозначно делала акцент на упорной реформаторской работе, на идеале «внутреннего *обращения*, а внешнего *переворота*». Вот почему крестный отец краха России в октябре 1917 года Ленин всегда числил революционера Н. Чернышевского своим духовным предшественником и ненавидел реформатора Вл. Соловьева.

* * *

Не обошли своим вниманием фигуру Чернышевского и его романы специалисты «позднего» советского времени, в том числе и те, кто активно переосмысливал наше прошлое в период так называемой перестройки. Прежде всего, я имею в виду исследование А.И. Володина, Ю.Ф. Карякина и Е.Г. Плимака «Чернышевский или Нечаев?». Сопоставляя эти два исторических персонажа, авторы ставят перед собой цель показать «трудность перехода от теоретической революционной мысли к революционному делу, трудность, возникающую в любом достаточно широком освободительном движении XIX в.». По их справедливому замечанию, «эти трудности «перевода» теории в практику удесятирялись в странах полуфеодальных, с самодержавным политическим строем»⁴². Что же касается «подлинного» Чернышевского, то он - не столько «предшественник» ленинско-сталинского большевизма и революционаризма (хотя такие термины авторы, естественно, в то время употреблять не могли), сколько мыслитель, настроенный реформистски, развивавший идеи предпочтительности эволюционного пути развития общества. «Обыкновенный путь, - приводит слова «Н.Г.Ч.» А.И. Володин с соавторами, - к изменению гражданских учреждений нации – исторические события

⁴¹ Соловьев В.С. Литературная критика. М., Современник, 1990, сс. 51 - 52.

⁴² А.И. Володин, Ю.Ф. Карякин, Е.Г. Плимак. «Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50-60-х годов XIX века». М., «Мысль», 1976, сс. 6 – 7.

(читай: революции. – Авт.)... Подобным путем всегда изменялись гражданские учреждения во Франции; до конца XVII века им изменялись они и в Англии. Но этот способ слишком дорого обходится государству, и счастлива нация, когда прозорливость ее законодателя предупреждает ход событий. ...В Англии прочный законный порядок, которого никто не осмеливается и никто не желает нарушать, потому что мирным путем законного требования и прения торжествует всякая сознанная обществом потребность; во Франции этого нет, там как ни ясно сознавай общество, как ни разумно доказывай оно необходимость реформы, реформа достигается только насильственным путем, - вот главное различие». И продолжают: Чернышевским «эволюционное движение мыслится как предпочтительное, но возможное только после того, как общество пройдет фазу революций, после того, как изменится его социальная и политическая структура»⁴³.

Более того, в подтверждение своей гипотезы авторы цитированного исследования ставят вопрос о поиске Чернышевским реформационного тренда в действиях администрации Александра II, в том числе – в анализе понятия «государственный человек»⁴⁴. По их мнению, на этом пути «Н.Г.Ч.» доходит до выражения «признательности» в адрес дворянских революционеров. Они цитируют знаменательные слова Чернышевского на этот счет: «Беспристрастный человек едва ли станет отрицать, что в дворянском сословии находилось и находится очень много людей, заслуживающих признательность патриота своими заслугами делу общественной жизни вообще, и, в частности, находится много людей, самым благородным и полезным образом содействовавших разрешению вопроса о крепостном праве.

...Редкое благородство и бескорыстие в образе мыслей соединялось у этих людей с доблестью воли, столь же редкою. Эти люди – лучшие граждане своей родины. За таких людей извиняются недостатки всей нации,

⁴³ Цит. по: А.И. Володин и др., с. 23.

⁴⁴ Там же, сс. 29 – 32.

как же не примириться ради них с сословием, к которому, в частности, они принадлежат?»⁴⁵.

Итак, постепенность перемен, наличие в среде правящего класса тех, кто не готов отстаивать его жизненные интересы. И, наконец, понимание того, что реформаторский путь может быть достаточно длинным. Так, еще в XVII веке Мильтон и Локк просвещали своих современников англичан относительно необходимости введения конституции и предусмотренных ею свобод. Но реальностью это стало только в XIX веке.

Вместе с тем, приведенные тезисы относительно умеренности позиции Чернышевского вовсе не значат, что «Н.Г.Ч.» вовсе отказывался от идеи революционного развития России, пути хотя и менее предпочтительного, но зато, с его точки зрения, более реального. Не вызывает сомнений, что позиция безымянного автора «Письма из провинции» (возможно, Н. Огарева, а возможно, как полагают А.И. Волгин с соавторами, Н. Добролюбова) была близка, если не разделялась Чернышевским в полной мере. Вот строки из этого документа: «Нет, наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет! Эту мысль уже вам, кажется, высказывали, и оно удивительно верно, другого спасения нет. Вы все сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон, и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит в набат! К топору зовите Русь. Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей, и не вам ее поддерживать»⁴⁶.

Реформа 1861 года не оправдала надеж ни народа, ни умеренных реформаторов, ни, тем более, революционно настроенные слои. В своих «Письмах без адреса» Чернышевский дает критическую оценку событий этого периода, в результате которых «общие принципы прежнего порядка были оставлены в покое», а дело свелось к частным преобразованиям, при

⁴⁵ Там же, с. 38.

⁴⁶ Цит. по: Володин А.И. и др. , сс. 133 – 134.

которых интересы дворянства почти не были затронуты и произошел грабеж крестьян под видом их освобождения.

Выход из создавшегося положения Чернышевский видит в самодеятельности народа. Однако что это такое, он и сторонники решительных действий из «левого» лагеря революционной демократии, которых не страшили «реки крови» и которые взывали к «неумолимости» топора, понимали по-разному. И точка зрения «Н.Г.Ч.», как полагают А.И. Володин и его соавторы, нашла свое полное воплощение в романах о «новых людях».

По их мнению, разговор о «новых людях» ведется Чернышевским в более широком контексте – прежде всего, его понимания «общего хода истории». Ход этот таков, что реакция ведет сначала к умеренной, а затем и к резкой критике; радикализм ведет к умеренному, а затем и к реакционному консерватизму, а потом – снова к умеренному либерализму. В этой логике будущее сулит революционерам не «почивание на лаврах» победы, а «изгнание со сцены», отложенное во времени удовлетворение победными результатами. К тому же, дело революции никогда не бывает сделано с первого раза и этому в немалой степени способствуют так называемые «плуты» – бесчестные политиканы, вместе с реакцией «сгоняющие со сцены» революционеров. Да и «неглупые люди» обладают тем свойством, что не позволяя водить себя за нос поодиночке, очень даже склонны к этому, будучи объединены в группы. «Тайной всемирной истории» Чернышевский полагает тот факт, что «на ход исторических событий гораздо сильнее влияние имели отрицательные качества человека, нежели положительные». А вот разгадка этой тайны, по мнению А.И. Володина и его соавторов, состоит в том, что тайна эта до сих пор была тайной для эксплуататорского общества, в котором государственная власть отчуждена от народа. «Используя ее (власти. – С.Н.) рычаги, «плуты» вроде Миттерниха или Наполеона и

получали возможность до поры до времени распоряжаться жизнью и судьбами миллионов людей»⁴⁷.

Что же касается самого феномена «новых людей», то это, по мнению авторов исследования «Чернышевский или Нечаев?», люди почти идеальные, с набором всевозможных добродетелей и высоких личных качеств. И это, утверждают они, не только «идеальный тип», но «жизненный образ» многих соратников «Н.Г.Ч.», к которым они, впрочем, относят не только революционных демократов, но и дворянских революционеров. В этом их оценки совпадают с мнением Ленина, который полагал, что для него, равно как и для многих поколений русских революционеров, роман «Что делать?» дал «заряд на всю жизнь»⁴⁸.

* * *

Рассмотрев основные идеи романа «Что делать?», можно обратиться к более позднему и более зрелому произведению Н.Г. Чернышевского – написанному в ссылке роману «Пролог» (1867 – 1871 гг.). И хотя оба произведения описывают общественную жизнь 50-х годов XIX столетия, но во втором, по общему признанию исследователей, читатель имеет дело с Чернышевским, который начал избавляться от радужных «романтических» ожиданий 1861 – 1862 годов (времени написания «Что делать?») и начал осмысливать сложность движения страны по «европейскому пути» в реалиях поражения России в Крымской войне. В это время, как замечает один из большевистских почитателей «Н.Г.Ч.» соратник Ленина А.В. Луначарский, писатель уже «скептически относился к надеждам революционного порядка... Блестящим и раздирающим памятником этих сомнений, этого научного скептицизма Чернышевского является так мало оцененный в нашей литературе роман его «Пролог»⁴⁹.

Будучи вынужденным для полноты исследования обратиться к очередному произведению «Н.Г.Ч.», не могу не «отвести душу» повторным

⁴⁷ Там же, с. 178.

⁴⁸ Ленин В.И. о литературе и искусстве. М., 1960, с. 650.

⁴⁹ Луначарский А.В. Статьи о литературе. М., 1957, с. 287.

обращением к оценке Герцена относительно «художественных достоинств» произведения: «Господи, как гнусно написано, сколько кривлянья... что за слог!..» Однако этой оценки, без сомнения, не существовало для советского литературоведения, поскольку оно выполняло титаническую работу, оправдывая революционаризм и тем расчищая авгиевы конюшни советского тоталитаризма, для чего, в частности, вело непримиримую борьбу с дворянскими революционерами и либералами. Так, например, в комментариях ко второму тому собрания сочинений Чернышевского читаем: «Рисуя картину борьбы и споров вокруг реформы, писатель показывает ее сугубо буржуазный характер. Разоблачая крепостников, он с не меньшей, если не с большей яростью нападает на «прекраснодушных» либералов, маскировавших свои истинные интересы красивыми фразами о «благе народа». «Красноречивые партизаны разных прекрасных идей», как презрительно называл он либералов еще в романе «Что делать?», наносили большой вред освободительному движению в России, и революционные демократы вели с ними непримиримую борьбу»⁵⁰. По мнению советских литературоведов, в этом романе Чернышевский изображает себя и ряд видных деятелей своего времени. Себя – в образе Волгина, в Савелове – одного из главных авторов реформы 1861 года – Н.А. Милютин, в образе генерал-адъютанта Чаплина – М.Н. Муравьева-«вешателя», в образе Румянцева – либерала К.Д. Кавелина, в Левицком – критика Н.Г. Добролюбова.

Тема романа «Пролог» – общественно-политическая борьба накануне реформы Александра II по отмене крепостного права. И если позиции либералов открыто высмеиваются, то вдвойне интересно остановиться на точке зрения самого Чернышевского – в романе Волгина. Вот фрагмент его рассуждений по вопросу о том, из-за чего ведется борьба между прогрессистами (либералами) и помещичьей партией.

⁵⁰ Осьмаков Н. Примечания. В кн.: Чернышевский Н.Г. Собрание сочинений в пяти томах. М., «Правда», 1974. Т. 2, с. 524.

«Из-за того, с землею или без земли освободить крестьян. Это колоссальная разница.

- Нет, не колоссальная, а ничтожная, - находил Волгин. – Была бы колоссальная, если бы крестьяне получили землю без выкупа. Взять у человека вещь или оставить ее у человека, но взять с него плату за нее – это все равно. План помещичьей партии разнится от плана прогрессистов только тем, что проще, короче. Поэтому он даже лучше. Меньше проволочек, - вероятно, меньше и обременения для крестьян. У кого из крестьян есть деньги, те купят себе землю. У кого нет, тех нечего и обязывать покупать ее: это будет только разорять их. Выкуп – та же покупка. Если сказать правду, лучше пусть будут освобождены без земли»⁵¹.

Волгин, однако, не изображается исключительным провидцем. В какой-то момент он «попадает» на либеральный замысел так подать дело об освобождении крестьян, чтобы сравнительно не крупные помещики (владельцы тысяч, а не десятков тысяч душ) стеснили себя согласием с хитрым либеральным замыслом. Для этого предполагалось вначале подать им более радикальный вариант, а после, когда он будет отвергнут, им будет «легче» согласиться с вариантом умеренным, но все же достаточно радикальным. Для этого надо речами и искусным дипломатическим «штурмом покорить провинциальных магнатов».

Впрочем, скоро этот замысел потерпел крах. Дело, согласно очередным «снам» «Н.Г.Ч.», приняло совсем иной оборот и Волгин погружается в мрачные размышления: «Жалкая нация, жалкая нация! Нация рабов, - снизу доверху, все сплошь рабы...» - думал он и хмурил брови.

Он не любил дворянства. Но бывали минуты, когда он не имел вражды к нему. Можно ли ненавидеть жалких рабов?»⁵². Таково основное смысловое ядро первой части роман «Пролог», названное «Пролог пролога».

⁵¹ Чернышевский Н.Г. Собрание сочинений в пяти томах. М., «Правда», 1974. Т. 2, с. 240.

⁵² Там же, с. 252.

Если посмотреть на вторую часть романа «Пролог» - «Из дневника Левицкого за 1857 год» как на продолжение размышлений, рассмотренных в части первой и – шире – в контексте романа «Что делать?», то в ней прежде всего интересны следующие идеи. Российское общество, как полагает Левицкий, «не занимается ничем, кроме пустяков». К таковым он, как ни странно, относит и вопрос об освобождении крестьян. Сравнивая их освобождение с освобождением невольников-рабов в США, он указывает на значительную, как полагает, разницу. Положение негров на свободном севере и крепостническом юге было радикально различно. В России иное. Во-первых, жизнь вольных и крепостных мужиков различалась не в пример меньше. Во-вторых, отмена крепостного права сводится к тому, что крестьянин не получает землю даром, а платит. К тому же платит не за землю (сама земля цены не имеет), а за право работать на ней. Так было до отмены крепостного права, так осталось и после его отмены.

Но до отмены крепостного права помещик по отношению к крестьянину имел не только имущественную, но и административную власть. Пусть, например, из двадцати миллионов крестьян, находящихся под управлением помещиков, двести тысяч имели плохих хозяев. Они, естественно, от реформы выиграют. Но остальные-то имели помещиков хороших. А ведь известно, что наилучший администратор тот, кто имеет прямую личную выгоду от благосостояния управляемых. Так вот теперь, после реформы, подавляющее большинство крестьян таких администраторов лишается. А в сочетании с необходимостью платить за право работать на земле их положение делается еще хуже.

Но все это, - передает Левицкий свой разговор с Волгиным, - «вздор перед общим характером национального устройства». А вот этот «общий характер национального устройства», - полагает Волгин, - который должен «охранять правду и защитников ее», и есть то наиболее серьезное, чем следует заниматься.

К сожалению, «общество не хочет думать ни о чем, кроме пустяков», в том числе – не желает допустить литературы, которая бы занималась не пустяками. «Всякая серьезная мысль ненавистна ему». И нечего пытаться навязывать обществу того, что ему ненавистно. Надо ждать. «Придет серьезное время. Когда?» Не важно. Надо сохранить себя для него. И ждать, пока в Европе, скорее всего – во Франции, «не подымется буря и не пойдет по остальной Европе, как это было в 1848 году».

Сказать, что это непременно будет, нельзя. Это только вероятно. Хорошо ли это? Не очень. Лучше, если улучшения пойдут постепенно. И «чем ровнее и спокойнее ход улучшений, тем лучше».

...Но так или иначе, придет серьезное время. Почему это несомненно? Потому, что связи наши с Европою становятся все теснее, а мы слишком отстали от нее. Так или иначе, она подтянет нас вперед к себе.

Придет серьезное время. Пойдут вопросы о благе народа. Нужно будет кому-нибудь говорить во имя народа. Я должен буду приберечь себя к тому времени»⁵³. Такова позиция Левицкого. Такова ли позиция самого «Н.Г.Ч.»? Вполне вероятно. Во всяком случае, по воспоминаниям его современников – идейных соратников, главные его надежды были связаны именно с продуктивной работой по изменению самого русского народа. В Европе, считал он, демократические партии привыкли идеализировать народ, «возлагать на него такие надежды, которые никогда не осуществлялись, а приводили еще к горшему разочарованию. ...Он, Чернышевский, знает, что центр тяжести лежит именно в народе, в его нуждах, от игнорирования которых погибает и сам народ, как нация или как государство. Но только ни один народ до сих пор не спасал сам себя... Сама история не давала указаний на этот путь; его не открыли пока ни практика, ни теория политики. До сих пор получавший власть народ только разрушал свое счастье, и партии, даже народные, получая власть в свои руки, также не могли направить ее на благо народа. Но при власти партий все же более вероятности сделать что-нибудь в

⁵³ Там же, сс. 312 – 316.

пользу народа, чем при отсутствии всяких политических форм, а следовательно, и всякой возможности предпринять что-либо в указанном направлении»⁵⁴.

Завершая рассмотрение романного творчества Н.Г. Чернышевского под углом зрения его главной идеи – появления в России «новых людей», еще раз отмечу то, с чего начал. Дошедший до нас «Н.Г.Ч.» - сложный феномен, составленный не только из собственных, закамуфлированных из-за цензуры образов и идей, но и результат исторической преформации позднейшего коммунистически-советского тоталитаризма. Насколько нам необходимо и значимо разобраться в этом феномене сегодня – вопрос, на который ответит само время. Для меня же, в контексте работы по исследованию процесса развития русского мировоззрения в контексте литературно-художественного и философского творчества, важно было остановить на нем внимание прежде всего как на мыслителе, не только поставившем тему «нового человека», но и сделавшим ее новым идейным направлением. И по нему, этому направлению, как будет показано далее, пошли многие, но для многих же содержание этого направление явно показало его ложность.

⁵⁴ «Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников». Саратов, 1959. Т.2, сс. 135 – 136.